

Институты и экономический рост: современные теоретические подходы¹

Мейнстрим и институционализм: сближение подходов

Со времени Д. Юма и А. Смита источники экономического роста неизменно связывались с накоплением капитала. Всякое увеличение капитала, утверждал А. Смит, естественно ведет к активизации промышленной деятельности и, следовательно, к возрастанию реального богатства. Накопление капитала, в свою очередь, определяется масштабами сбережений: «...Бережливость, а не трудолюбие является непосредственной причиной возрастания капитала». И дело не ограничивается тем, что в более богатых странах больше оказывается фонд (доля) накопления. Сравнительно большая часть этих накоплений направляется на «производительную» деятельность².

Тезис, определяющий роль накопления, был полностью унаследован академической теорией мейнстрима. Роль сбережений населения и накапливаемой прибыли в поддержании хозяйственной активности и устойчивого роста общественного богатства подробно анализируется в четвертой книге «Принципов экономической теории» А. Маршалла³.

Великая депрессия побудила современников и сторонников Дж.М. Кейнса несколько более осторожно оценить роль процессов накопления, но эти соображения относились прежде всего к краткосрочным факторам экономической динамики. К. Кларк, изучавший длительные тенденции хозяйственного развития, писал: «Уже в 1937 году я начал серьезно сомневаться в справедливости этой

---

¹ Материал этой статьи частично был опубликован в: *Радыгин А.Д., Энтов Р.М.* В поисках институциональных характеристик экономического роста (новые подходы на рубеже XX—XXI вв.) // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 4—27.

² «Фонды, предназначенные на содержание производительного труда, не только значительно больше в богатых странах, чем в бедных, но они представляют и большую пропорцию по сравнению с теми фондами, которые хотя и могут быть затрачиваемы на содержание как производительного, так и непроизводительного труда, но по общему правилу затрачиваются предпочтительно на содержание последнего» (*Смит А.* Исследование и природе и причинах богатства народов. М.: Мысль, 1962. С. 247—248).

³ См.: *Маршалл А.* Принципы политической экономии. М.: Прогресс, 1983.

доктрины... Накопление капитала — это необходимое, но недостаточное условие экономического прогресса¹.

В моделях экономического роста Р. Харрода, безусловно испытывавшего серьезное влияние Кейнса, на передний план вновь выдвинулись процессы накопления. Так, в базовом уравнении экономического роста темпы расширения производства прямо пропорциональны норме сбережений². Те же предположения по существу содержатся и в моделях экономического роста Р. Солоу³, и в теоретических конструкциях эндогенного роста и технического прогресса Р. Лукаса⁴.

Эмпирические исследования источников экономического роста, использовавшие стандартные производственные функции, не смогли, однако, подтвердить тезис о решающей роли накоплений «физического капитала». Ограничимся ссылкой на результаты многочисленных расчетов Э. Денисона, впервые предложившего методы «калькуляции» экономического роста. В соответствии с его расчетами за период 1929—1982 гг. не более 20% увеличения национального дохода США в расчете на одного занятого удается «приписать» накоплению реального капитала. Решающую роль во всех расчетах такого рода играл неразложимый по факторам «остаток». Э. Денисон считал его характеристикой прогресса знаний, который включает «как технический прогресс, так и прогресс в наших знаниях об управлении и организации»⁵. Тем самым в сферу исследования проблем экономического роста постепенно втягивался более широкий круг не только экономических, но и социально-политических отношений⁶.

Пересмотру неизбежно подверглись и определения самих факторов производства. В наиболее развитых странах накопление вещественного капитала как ключевой фактор экономического роста постепенно стало отступать на задний план, уступая место накоплению человеческого (а также «социального») капитала. За пределы демографии оказалась, в частности, вынесенным и вопрос о факторах, определяющих темпы расширения трудовых ресурсов⁷.

Теоретики, занятые поиском источников экономического роста, все шире привлекают исторический материал, активнее вторгаются в сферу политических и социальных отношений. Указанная тенденция становится все более очевидной, если сравнить «калькуляции» Э. Денисона с последующими публикациями одно-

---

¹ Clark C. Development Economics. The Early Years // *Pioneers in Development*. Ed. by Meier G., Seers D. Oxford: University Press, 1984. P. 59.

² См.: Харрод Р. К теории экономической динамики. Новые выводы экономической теории и их применение к экономической политике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.

³ Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70.

⁴ Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22.

⁵ Denison E. Trends in American Economic Growth. 1929—1982. The Brookings Institution, 1985. P. 28.

⁶ Более подробный анализ различных попыток декомпозиции экономического роста по различным факторам можно найти в обстоятельном обзоре Д. Джорджсона: Jorgenson D. Calculation of Economic Growth // *Handbook of Economic Growth*. Ed. by Aghion Ph., Durlauf S. North-Holland, 2004.

⁷ Изучая источники современного («постмальтузианского») экономического роста, О. Гэйлор и О. Моав выдвигают гипотезу о существенном изменении предпочтений: современная семья, по их мнению, стремится не столько к увеличению числа детей, сколько к накоплению возможно большего человеческого капитала (Galor O., Moav O. Natural Selection and the Origin of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol. 117. Issue 4).

го из весьма влиятельных американских экономистов — Р. Бэрроу¹. В дополнение к обычным динамическим рядам все чаще привлекаются межстрановые сопоставления (cross-country studies), место элементарных производственных функций занимают многофакторные межобъектные сравнения (cross-section). При этом такие переменные, как норма личных сбережений (или норма накоплений), в подобных расчетах вообще не присутствуют. Зато значительное место отводится тем переменным, которые, по мнению Р. Бэрроу, должны играть отрицательную роль (масштабы потребления государства, инфляция и др.) и, что представляется особенно существенным, переменным, характеризующим влияние общественно-политических отношений (степень демократичности общества, соблюдение законов и прежде всего реальная защита прав собственности и контрактных прав).

«Калькуляции» экономического роста с первых дней своего появления подвергались критике представителей институциональной теории. Еще в начале 1970-х годов Д. Норт и Р. Томас отмечали, что такие факторы, как накопление капитала, экономия на масштабах и т.п., «не являются источниками экономического роста, они и *есть* сам рост»².

В соответствии с классификацией одного из наиболее известных представителей новой институциональной теории — О. Уильямсона на более глубоких (по сравнению с обычной хозяйственной деятельностью) уровнях складываются политико-экономические структуры, определяющие правила поведения отдельных участников³. В соответствии с этой логикой экономика прав собственности должна играть более фундаментальную роль, чем текущие операции, описываемые стандартной неоклассической теорией. Многочисленные работы, опубликованные в конце 80-х — начале 90-х годов, могут свидетельствовать о все более активном интересе теоретиков экономического роста к сложившимся историческим традициям и институциональным структурам.

В последнее время и представители академического мейнстрима стали склоняться к мысли о том, что институциональные структуры, а среди них прежде всего *права собственности и права и обязанности, фиксируемые системой контрактов, оказываются наиболее глубоким источником долгосрочного развития и экономического роста*. Привлекает внимание и другая сторона указанной тенденции. Изучение институциональных структур оказывается втянутым в сферу все более строгого формального анализа: все чаще гипотезы, высказываемые в этой области, базируются на высокотехнических теоретических моделях, а для статистической проверки таких гипотез используются продвинутые эконометрические методы⁴.

¹ Barro R. Economic Growth in a Cross-section of Countries // The Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. Issue 2; *Idem*. Determinants of Economic Growth: a Cross-Country Empirical Study // NBER WP. 1996. N 5698. Washington; Barro R., Lee J.-W. International Comparisons of Educational Attainment // Journal of Monetary Economics. 1993. Vol. 32; Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth. McGraw Hill, 1995.

² North D., Thomas R. The Rise of Western World: A New Economic History. Cambridge University Press, 1973. P. 2.

³ Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // The Journal of Economic Literature. 2000. Vol. XXXVIII. N 3.

⁴ Напомним, что до последнего времени даже основоположника институциональной теории Т. Веблена, как, впрочем, К. Маркса и Й. Шумпетера, энтузиасты неоклассической школы снисходительно относили к «провидцам (visionaries), обладавшим недостаточными аналитическими способностями» (Niehans J. A History of Economic Theory Classic Contributions, 1720—1980. The John Hopkins University Press, 1990. P. 522).

Не пытаясь углубиться в сложный вопрос о соотношении между неоклассическим и институциональным направлениями современной экономической теории, отметим лишь, что на рубеже XX—XXI столетий ситуация существенно изменилась. Сегодня многочисленные характеристики институциональных структур становятся одним из наиболее престижных объектов теоретического моделирования и эконометрического исследования. Экспансия неоклассических моделей проявляется, в частности, в том, что они постепенно охватывают тот «глубинный» (по характеристике О. Уильямсона) уровень, на котором располагаются базовые институциональные структуры. Границы между обычными объектами исследования представителей мейнстрима и традиционной тематикой институционалистских работ оказываются все более размытыми¹. Основные характеристики изучаемых рынков у сторонников обоих направлений, по крайней мере отчасти, теперь определяются утвердившимися отношениями собственности, а также системой информента прав собственности и контрактных обязательств.

Исторические особенности формирования институтов

Одну из наиболее популярных сегодня версий формирования рыночных институтов можно было бы сформулировать следующим образом. Расширение торговли в XVI—XVII вв. способствовало концентрации мощи, в том числе «политической силы de facto», в руках части землевладельцев и купцов. Накопление этой силы на определенном этапе позволило владельцам обзавестись собственными вооруженными формированиями, качественно отличавшимися от прежних военных отрядов крупных феодалов. Ограничивая власть короля, владельцы земли и капитала боролись за постепенное утверждение прав частной собственности. Классические примеры такого рода обычно отыскиваются в английской истории XVII—XVIII вв.²

Одной из наиболее употребительных «несущих конструкций» институционального анализа можно считать использованную Д. Нортм категорию обязательств, «внушающих доверие» (credible commitments). До тех пор пока власть монарха оставалась неограниченной, подписанные им контрактные обязательства не могли считаться внушающими доверие — короли, как свидетельствуют исторические факты, нередко отказывались от возврата своих долгов или даже прибегали к конфискации имущества кредиторов. Соответственно обязательства, внушающие доверие, могли получить сколько-нибудь широкое распространение лишь в результате постепенного ограничения полномочий абсолютного монарха.

С приходом Нового времени стало очевидным, что *важнейшим условием, которое может обеспечить функционирование рыночной собственности, оказывается жесткое ограничение полномочий исполнительной власти в сфере имущественных отношений*. Дж. Локк, написавший после английской революции «Два трактата об управлении», отмечал, что «король не должен нарушать никаких прав собствен-

---

¹ При этом О. Уильямсон настаивает на сохраняющихся преимуществах новой институциональной теории, ссылаясь, в частности, на успехи эмпирических исследований, проводимых в области «экономики транзакционных издержек» (Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead. P. 605—607).

² Acemoglu D., Robinson J. Economic Backwardness in Political Perspective // NBER WP. 2002. N 8831. Washington; Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F. Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth // NBER WP. 2002. N 9066. Washington.

ности своих подданных»¹. Что же касается политической власти, то она представляет собой «право создавать законы... для регулирования и сохранения собственности»². Карл II принес особую клятву никогда не посягать на собственность своих подданных³. Расширение полномочий английского парламента к концу XVII в. и предоставление им гарантий английской короне обеспечивало возможность резкого увеличения королевской задолженности. Вместе с тем ускоренными темпами в Англии стали развиваться финансовые рынки⁴.

Формируясь под воздействием политических сил, отношения частной собственности, в свою очередь, налагали на пороге Нового времени отчетливый отпечаток на всю структуру социально-политических отношений. Собственность как некоторое легитимное «право» становится под защиту государства, «но это же право защищает и самого индивидуума от государства: вместе с законом и ее [собственности] побочным продуктом она становится самым действенным средством ограничения государственной власти»⁵.

В различных географических регионах утверждение института рыночной собственности осуществлялось неодинаковым образом. Многочисленные факты свидетельствуют, что формирующиеся структуры имущественных отношений в огромной степени зависели от специфики предшествовавшего исторического развития (path dependence).

Рассматривая длительные изменения в истории стран, подвергшихся колонизации, Д. Эйсмоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон привлекли внимание исследователей к следующему феномену⁶. С XI по XV в. можно наблюдать более или менее устойчивое распределение богатства между указанными выше странами. А с 1500 г. ситуация стала радикально меняться: с переходом к Новому времени на протяжении последующих четырех столетий во внеевропейском («колонируемом») мире обнаружилась тенденция к «обратному ранжированию богатства» (the reversal of Fortune). Богатые прежде страны постепенно беднели (относительно других), тогда как некоторые ранее бедные страны смогли увеличить не только абсолютное, но и относительное богатство.

Изучая различные формы экономического роста в колонизируемых странах, авторы связали их с различными стратегиями, использовавшимися европейскими метрополиями. Впервые в академической литературе столь четко был выдвинут тезис о том, что в странах, богато наделенных природными ресурсами и располагавших обширным населением, европейские страны использовали методы интенсивной эксплуатации. Во многих случаях это были страны с жарким климатом, характеризовавшиеся более высокой смертностью выходцев из метрополий — стран, обладавших умеренным климатом. Подобная стратегия обычно не предусматривала равноправных рыночных отношений между метрополией и колонией. Система экономических и политических отношений, устанавливаемая в этих странах,

¹ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 343.

² Там же. С. 343.

³ *Nenner H., Jones J. Liberty Secured? Britain Before and After 1688.* Stanford University Press, 1992. P. 92.

⁴ *Neal L. The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason.* Cambridge University Press, 1990.

⁵ *Пауинс Р. Собственность и свобода.* М., Московская школа политических исследований, 2000. С. 158—159.

⁶ *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth.* Ed. by Aghion Ph., Durlauf S. North-Holland, 2004.

должна была обеспечивать прежде всего особые выгоды для метрополии¹. Другая стратегия использовалась в тех случаях, когда речь шла о малонаселенных странах, расположенных в зоне с умеренным климатом. В этих случаях чаще всего наблюдалось переселение жителей государств Западной Европы в соответствующие страны.

Тем самым в зависимости от выбора, совершаемого сравнительно более развитыми европейскими странами, в колонизируемых странах формировались различные имущественные отношения и основанные на них хозяйственные структуры. Указанные различия, разумеется, становятся особенно наглядными при сравнении институциональной структуры, господствующей сегодня в Соединенных Штатах, Канаде, Австралии, с экономическими институтами, скажем, стран Тропической Африки.

Подобные рассуждения позволили продемонстрировать довольно эффективные результаты. Так, данные о смертности выходцев из умеренного климата в странах Африки, Азии и Латинской Америки, относящиеся к предшествующим столетиям, а также о плотности населения в колонизируемых странах в начале XVI в. могут объяснить («предсказать») значительную часть различий в индексах, характеризующих эффективность защиты частной собственности в настоящее время. На основе последних выводятся и различия в уровнях и динамике ВВП на душу населения.

Бремя колонизации, неблагоприятное наследие колониальных империй сводятся, таким образом, прежде всего к отсутствию условий для формирования конкурентных рынков современного типа. В некоторых странах Латинской Америки, например, «полное засилье монополий и повсеместное административное регулирование, насажденное еще Испанией, оставалось нетронутыми и после того, как эти страны обрели независимость»².

Заметим, что процессы усвоения и развития хозяйственной цивилизации не могут сводиться просто к перемещению европейцев, обладавших опытом сравнительно более развитой рыночной экономики, в отсталые страны. Вопрос о «трансплантации» правовых и хозяйственных институтов более подробно будет рассмотрен ниже, здесь же отметим только следующее обстоятельство. В США и Канаде, например, доля европейских мигрантов в XIX в. была меньше, чем в некоторых странах Латинской Америки (Уругвай, Аргентина), а страны Юго-Восточной Азии (например, такие «азиатские тигры», как Сингапур), характеризующиеся прочной защитой частной собственности и чрезвычайно динамичным экономическим ростом, и до настоящего времени не привлекают большого числа европейских мигрантов.

Сложившаяся институциональная структура обладает рядом важных функциональных характеристик, среди которых особую роль играет наличие или отсутствие «встроенных» механизмов поддержания хозяйственной стабильности³. Д. Эйсмоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон и Ю. Тэйчерэн предприняли специальное эконометрическое исследование, ставящее следующий вопрос: в какой мере обла-

¹ *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth / Ed. by Aghion Ph., Durlauf S. North-Holland, 2004. P. 1375.* Авторы цитируют работу одного из американских историков, в которой описываются результаты колониального господства в Конго: политика Бельгии «была основана на безудержной эксплуатации природных и человеческих ресурсов», она привела к последующему «распаду всей хозяйственной и общественной жизни».

² Там же. С. 1376.

³ Здесь речь идет главным образом о кратко- и среднесрочной стабильности производства и потребления, а характеристики стабильности институционального окружения приводятся ниже.

дают стабильностью сравнительно более «слабые» институциональные структуры (рассматривалась все та же выборка колонизировавшихся стран, динамика которых сравнивалась с соответствующими характеристиками развитых стран)?¹ При этом внутренние качества самих институтов не подвергались какому-либо особому анализу; институциональные структуры выступали по существу в роли некоего «черного ящика». Не рассматривались и те механизмы, с помощью которых указанные институты могут обеспечить большую или меньшую стабильность экономики.

Для выделения институциональных структур, сформировавшихся на протяжении длительного исторического периода, использовались относящиеся к прошлым временам показатели смертности переселенцев и производные от них индексы, характеризующие степень защиты частной собственности, а также индексы, которые демонстрируют жесткость ограничений, налагаемых на представителей управленческого персонала. Поскольку стабильность экономики зависит и от проводимой макроэкономической политики, то характеристики воздействия, оказываемого институциональными структурами, сопоставлялись с влиянием «неоптимальной» макроэкономической политики (чрезмерно большие государственные расходы, инфляционная денежно-кредитная политика, поддержание слишком высокого реального валютного курса).

Расчеты авторов приводят к следующим выводам. *Сравнительно большая волатильность производства* (измеряется стандартным отклонением темпов изменения реального ВВП на душу населения) на протяжении 1970—1997 гг. в значительно большей мере *определялась показателями, которые отражают исторически сложившуюся институциональную структуру*. В странах с более «сильной» институциональной структурой влияние дестабилизирующей макроэкономической политики оказывается менее существенным.

Наряду с этим *страны со «слабыми» институтами в большей мере подвержены кризисам*, измеряемым глубиной падения производства. Более того, и в крайностях макроэкономической политики авторы склонны видеть «симптомы, отражающие влияние более глубоких институциональных факторов»².

На протяжении последних десятилетий в теоретической литературе подробно обсуждался вопрос о том, в какой мере нестабильность доходов и потребления *сами по себе* (при сохранении неизменного среднего уровня) могут неблагоприятно сказаться на уровне благосостояния. Используя стандартные предположения, Р. Лукас в своем исследовании хозяйственных циклов привел оценки, которые могут свидетельствовать о том, что те потери общественного благосостояния, которые связаны с волатильностью личного потребления в современной американской экономике, в целом оказываются сравнительно небольшими³. Тем не менее ответ на вопрос о последствиях волатильности конечного потребления в решающей степени зависит от исходных предпосылок. Необходимо, в частности, принять во внимание, что те же хозяйственные механизмы, которые придают стабильность процессам расширения производства, как правило, способствуют некоторому ограничению темпов экономического роста⁴. Кроме того, в странах со сравнительно низким уровнем экономического развития более интенсивные

¹ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y. Institutional Causes, Macroeconomic Symptoms: Volatility, Crises and Growth // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50.

² Ibid. P. 108.

³ Lucas R. Models of Business Cycles. Basil Blackwell, 1987.

⁴ Ramey G., Ramey V. Cross-Country Evidence on the Links between Volatility and Growth // American Economic Review. 1995. Vol. 85.

колебания темпов роста, по-видимому, могут повлечь весьма существенные потери общественного благосостояния¹.

Говоря о сильных сторонах концепции Д. Эйсмоглу и его соавторов, особо отметим четкое выделение механизмов взаимодействия между политическими и экономическими институтами. Выше уже отмечалось влияние «политической силы *de facto*» на характер возникавших политических институтов, а вместе с тем на формирование структуры имущественных прав. Рассматривая несколько общие аспекты проблемы, Д. Эйсмоглу ставит вопрос об особенностях формирования экономических и политических институтов.

В области экономики особенно широка сфера рыночных взаимодействий. Следуя методологии Р. Коуза², можно утверждать, что и при существовании внешних эффектов (экстерналий) в случаях, когда можно пренебречь трансакционными издержками, участникам удастся путем рыночных взаимодействий интернализировать, по крайней мере, часть указанных эффектов. Возможны ли подобные (коузианские) процессы в сфере принятия политических решений?

Ответу на этот вопрос посвящено специальное теоретическое исследование Д. Эйсмоглу³. Автор отмечает: в экономике все коузианские процессы предполагают, что заключенные соглашения оформляются специальными контрактами. Контракт предусматривает определенные обязательства обеих сторон, причем как права, так и обязательства всегда распространяются на предусматриваемый в контракте последующий период. Действенный инфорсмент контрактных прав и обязательств опирается в конечном счете на существование некоей третьей стороны, контролирующей соблюдение «правил игры» и играющей роль некоего беспристрастного арбитра. В качестве такого арбитра чаще всего выступают различные судебные инстанции и другие звенья административно-правового аппарата, осуществляющие «монополию легитимного принуждения» («*monopoly of legitimate coercion*»).

В сфере политических отношений государство неизбежно должно стать одним из участников заключаемого контракта. В подобной ситуации трудно отыскать беспристрастного арбитра, который был бы наделен монополией легитимного принуждения. Но тем самым исчезают и основания, которые внушали бы доверие к заключаемым контрактам. Указанные соображения могут служить, по-видимому, одним из дополнительных аргументов в пользу *всемерного развития в публично-правовой сфере механизмов взаимных сдержек и противовесов*⁴.

Особенно важную роль в «политико-правовой инфраструктуре», обеспечивающей условия для стабильного экономического роста, играет, по-видимому, принцип разделения властей, лежащий в основе современного правового государства. *Решения тех инстанций, которые на практике выступают в роли арбитра, следящего за реализацией собственности, контрактных обязательств и контролирующего соблюдение правил рыночной «игры», должны свидетельствовать о реальной независимости судебной системы от исполнительной власти.*

Между тем защита имущества и доходов отдельных лиц и компаний от посягательств со стороны государства всегда была чрезвычайно важна на начальных

¹ *Pallage S., Robe M.* On the Welfare Cost of Economic Fluctuations in Developing Countries // *International Economic Review*. 2003. Vol. 44. N 2.

² *Coase R.* The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3.

³ *Acemoglu D.* Why Not a Political Coase Theorem? // *Journal of Comparative Economics*. 2003. Vol. 31.

⁴ Соображение об ограниченных возможностях реализации коузианских механизмов в политической сфере, разумеется, не исключает возможности вполне плодотворных соглашений между государством и обществом.

этапах функционирования частной собственности, когда сфера индивидуальных прав — как экономических, так и социально-политических — очерчена еще недостаточно четко и когда частное присвоение богатства впервые перестает быть наследственным «прирожденным правом» монарха и феодальной аристократии¹. Особенно острой эта проблема становится в обществе, в котором законодательная и исполнительная власти испытывают сильное давление со стороны электората, которому на протяжении нескольких поколений внушали мысль об «аморальности» и вредности принципов частной собственности.

Весьма существенным оказывается также следующее обстоятельство, непосредственно вытекающее из теоретической модели («сравнительная статика»), но не получившее более подробного развития в излагаемой концепции. *Мероприятия экономической политики, направленные на переход к более эффективной аллокации ресурсов, могут тормозиться в связи с тем, что такая перестройка сопряжена с изменениями в распределительных отношениях.* Ведь в практической жизни государство представлено, в частности, множеством служащих правительственного аппарата, и для части из них сохраняющиеся институты (или политические нормы и решения) могут служить источником (нелегитимных) частных выгод. Утверждение новых институтов, предполагающих функционирование конкурентных механизмов в политической и экономической сферах, во многих случаях наталкивается (иногда явно, но чаще скрыто) на сопротивление тех чиновников, которым удается извлекать выгоды из существующих административных установлений и ограничений.

Тем самым формируются зависимости, складывающиеся в порочный круг. *Чем больше в обществе распространена коррупция правительственных чиновников, тем меньше (при поддержании прежнего уровня административной дисциплины) остаются реальных возможностей для укрепления рыночных институтов и конкурентных механизмов.* При некоторых условиях может складываться ситуация, когда эффективные рыночные взаимодействия подменяются соперничеством на «политических рынках», борьбой бюрократических интересов².

Так, усиление централизованного начала в российской экономике начала 2000-х годов сопровождалось некоторым ограничением рыночной конкуренции и обострением специфически бюрократического соперничества, «когда отдельные ведомства начинают бороться друг с другом за дополнительные ресурсы и властные полномочия. Однако подобные цели не могут быть непосредственно афишированы. Поэтому для “регуляторов” характерна постоянная апелляция к интересам тех или иных групп участников рынка. Именно под этим флагом “регуляторы” часто реализуют собственные интересы и устремления»³.

Другой вариант неблагоприятного взаимодействия складывается в тех случаях, когда лишь некоторая, не слишком представительная часть предпринимателей сама обладает «политической силой de facto» или монопольным доступом к центру принятия политических решений. Такие предприниматели, использующие ис-

¹ В качестве ключевого условия утверждения рыночной собственности Д. Норт и Б. Уэйнгаст считают формирование в ходе английской революции XVIII в. достаточно независимой судебной власти, которая смогла более или менее эффективно сдерживать посягательства короля (или парламента) на имущества частных лиц (*North D., Weingast B. The Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17-th Century England // Journal of Economic History. 1989. Vol. 49.*)

² См.: Проблемы становления новой институциональной структуры в переходных странах / Под ред. В.А. Мау М.: ИЭПП, 2001.

³ Развитие спроса на правовое регулирование корпоративного управления в частном секторе // Научные доклады МОНФ. 2003. № 148. С. 51.

полнительную власть в качестве орудия, направленного против своих соперников, оказываются просто незаинтересованными в реальном утверждении прочных отношений частной собственности¹.

Роль географических факторов: «война переменных»

Ш. Монтескье еще в середине XVIII в. указывал на неблагоприятное влияние тропического климата на хозяйственное поведение². В последнее десятилетие географическая интерпретация зависимостей, характеризующих формирование рыночных институтов, различий в институциональной структуре и эффективности экономики, приобрела целый ряд сторонников.

Одна из недавних полемических работ Дж. Сакса имеет достаточно выразительный заголовок: «Институты не играют определяющей роли: непосредственное влияние географии на средний доход на душу населения»³. Справедливости ради отметим: в других работах позиция Сакса не столь категорична. Так, в докладе, представленном на конференции Всемирного банка, Дж. Гэллап, Дж. Сакс и Э. Меллинджер утверждают, что наряду с непосредственным влиянием географические факторы могут оказывать также косвенное воздействие и в этом случае важную роль играют те политические и экономические институты, которые вызваны к жизни влиянием указанных факторов⁴.

Важнейшая роль в этом споре, как обычно, отводится эконометрическим расчетам, поэтому активно обсуждается вопрос об адекватной идентификации переменных, характеризующих влияние географических факторов. Так, выступая против географической концепции, Д. Родрик и его соавторы в своих регрессиях в качестве такой переменной используют удаленность различных стран от экватора. В уравнениях, в которых присутствуют показатели, характеризующие качество хозяйственных институтов, коэффициент при «географической» переменной во многих случаях оказывался статистически несущественным. Даже в тех расчетах, где он оказывался существенным (скажем, на 95%-м уровне), вклад данного фактора был весьма скромным⁵. Авторы этого, а также некоторых других эконометрических исследований⁶ приходят к следующему выводу: основное влияние географических факторов реализуется, по-видимому, не прямо, а опосредованным образом — через сложившиеся экономические и социально-политические институты. При этом вопрос, каковы же механизмы влияния географических факторов на формирование соответствующих институтов, по существу остается «за кадром».

---

¹ Ситуации неравномерного распределения богатства и относительной неэффективности производства, когда наиболее состоятельные собственники оказываются незаинтересованными в неизбирательной и прочной защите прав собственности, рассматриваются в: *Polishchuk L., Savvateev A. Spontaneous (non)emergence of Property Rights // The Economy of Transition. 2004. Vol. 12. N 1.*

² *Монтескье Ш. О духе законов. М.: Мысль, 1999.*

³ *Sachs J. Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income // NBER WP. 2003. N 9490. Washington.*

⁴ *Gallup J., Sachs J., Mellinger A. Geography and Economic Growth. Annual World Bank Conference on Development Economics. April 1998.*

⁵ *Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development // Journal of Economic Growth. 2004. Vol. 9.*

⁶ *Easterly W., Levine R. Tropics, Germs and Crops: How Endowments Influence Economic Development // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50.*

Утверждая, что отдаленность от экватора может использоваться лишь как некоторая несовершенная характеристика климатических различий, Дж. Сакс настаивает на том, что влияние географических факторов на деле гораздо более разнообразно. Основной канал воздействия, оказываемого этими факторами, может быть представлен, с его точки зрения, более низкой производительностью труда в тропическом сельском хозяйстве и последствиями специфических эпидемических болезней, получивших особо широкое распространение в странах экваториального пояса. В работе, исследующей источники экономической отсталости стран тропической зоны, Дж. Сакс утверждает, что главную причину сложившегося разрыва в уровнях развития можно определить следующим образом: «К началу современной эпохи (или, может быть, немного раньше) в странах умеренного климата технологии оказались гораздо более производительными, чем в сельском хозяйстве государств экваториального пояса»¹.

В 1998 г. Д. Блум и Дж. Сакс опубликовали основательное исследование проблем экономического роста в африканских странах². Одной из причин, оказывавших существенное неблагоприятное влияние на демографические факторы роста, оказывались последствия тропической малярии: если бы с этой болезнью удалось покончить в середине XX столетия, то к концу века средний реальный доход на душу населения оказался бы в соответствии с их расчетами вдвое больше³.

В одной из уже упоминавшихся работ Дж. Сакс предложил совсем элементарную эконометрическую модель, в которой различия в величине реального ВВП на душу населения в 1995 г. объяснялись лишь двумя факторами — «качеством институтов» и риском заболевания тропической малярией. При работе с различными выборками государств с помощью указанных двух переменных удается «объяснить» сравнительно большую часть различий, причем коэффициенты при указанных переменных чаще всего оказывались существенными — на 99%-м уровне. Но, несмотря на уже цитированный вызывающий заголовок этой работы, Дж. Сакс в итоге приходит к более сбалансированным выводам: «Серьезные теоретические и эмпирические доводы могут свидетельствовать в пользу тезиса, согласно которому процесс развития отражает сложное взаимодействие институтов, политических и географических факторов»⁴.

Генезис правовых систем и «новая сравнительная теория»

К числу работ, серьезно исследовавших генезис правовых систем и их влияние на характер имущественных отношений и инфорсмент прав собственности, относятся прежде всего цикл публикаций Р. Ла Порты, Ф. Лопес-де-Силанеса, А. Шлайфера и Р. Вишны⁵. В этих работах степень защиты собственности и об-

¹ *Sachs J.* Tropical Underdevelopment // NBER WP. 2001. N 8119. Washington. P. 2.

² *Bloom D., Sachs J.* Geography, Demography, and Economic Growth in Africa // Brookings Papers in Economic Activity. 1998. Issue 2.

³ *Ibidem.*

⁴ *Sachs J.* Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income // NBER WP. 2003. N 9490. Washington. P. 9.

⁵ *La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.* Investor Protection and Corporate Governance // Journal of Financial Economics. 2000. Vol. 58; *Idem.* Investor Protection and Corporate Valuation // Journal of Finance. 2002. Vol. 57.

щие характеристики функционирования экономики в тех странах, в которых господствует «англосаксонская» система прецедентного права (common law), сопоставляются с воздействием системы четко кодифицированного «французского» гражданского права (civil law).

Как известно, своими корнями «английское» право восходит еще к временам нормандского завоевания¹. Складывавшиеся нормы прецедентного права в большой мере отражали средневековые отношения между королем и представителями высшей феодальной аристократии². В континентальной Европе более широкое распространение получили кодифицированные правовые нормы, непосредственно устанавливаемые законами (statutory law), а наибольшее влияние на формирование правовых норм оказали принятые в начале XIX в. кодексы Наполеона. В Германии после объединения страны была принята «продвинутая» система законов, наиболее полный Гражданский кодекс вступил в силу с начала XX столетия. Наряду с «англосаксонской» и «французской» Р. Ла Порты, Ф. Лопес-де-Силанес, А. Шлайфер, Р. Вишны в качестве базовых выделяют также «скандинавскую» систему³.

Распространение складывавшихся правовых норм во многих случаях переплеталось с процессами миграции и колонизации. Так, в странах, заселявшихся выходцами из Англии, чаще всего утверждался тот или иной вариант прецедентного права (в США эти нормы претерпели существенные изменения после Войны за независимость и Гражданской войны). В законах, принятых в странах Центральной и Латинской Америки, отражались испанские традиции, а впоследствии эти тенденции получили дальнейшее развитие под влиянием наполеоновских кодексов. Интенсивное освоение базовых правовых систем наблюдалось в XIX — начале XX столетий. Пик судебно-правовых реформ в Бразилии, Аргентине, Чили, Эквадоре и некоторых других латиноамериканских странах приходился на середину XIX в.

Многочисленные эконометрические расчеты Р. Ла Порты, Ф. Лопес-де-Силанеса, А. Шлайфера и Р. Вишны иллюстрируют центральный тезис их теоретической концепции — в странах с «англосаксонской» правовой системой интересы частных собственников, в том числе владельцев акций, защищены гораздо лучше, чем в государствах с «французской» системой. *Более адекватная реализация принципов частной собственности представляет собой необходимое условие, требующееся для более интенсивного развития финансовых рынков*⁴. Защита прав частной собственности обеспечивает предпосылки для более интенсивного расширения капиталовложений и повышения темпов экономического роста⁵.

В 2003 г. С. Джанков, Р. Ла Порты, Э. Глейзер, Ф. Лопес-де-Силанес и А. Шлайфер предложили новую сравнительную теорию (the new comparative

---

¹ Berkovitz D., Pistor K., Richard J. Economic Development, Legality, and the Transplant Effect // European Economic Review. 2003. Vol. 47. P. 169.

² Glaeser E., Shleifer A. Legal Origins // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. Issue 4.

³ Д. Берковиц, К. Пистор, Ж.-Ф. Ришар в указанной выше работе приводят более полный, на их взгляд, перечень «базовых» систем, который наряду с системами, сложившимися в национальных государствах Европы, включает также (в качестве самостоятельной) «американскую» систему.

⁴ La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Legal Determinants of External Finance // Journal of Finance. 1997. Vol. 52; *Idem*. Law and Finance // Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106.

⁵ См. также: Радыгин А.Д., Энтов Р.М. Институциональные проблемы развития корпоративного сектора: собственность, контроль, рынок ценных бумаг. М.: ИЭПП, 1999; Корпоративное управление и защита прав собственности: эмпирический анализ и актуальные направления реформы. М.: ИЭПП, 2001.

economics), которая должна прийти на смену «старой сравнительной теории», сопоставлявшей между собой социалистическую и капиталистическую системы. Новая сравнительная теория рассматривает различия в хозяйственных и политических институтах, утвердившихся в странах с более или менее развитой рыночной системой, и изучает влияние этих различий на общие характеристики функционирования экономики¹. Представленная теория призвана упорядочить и обобщить накопленный к настоящему времени обширный материал эмпирических исследований, прежде всего межстрановых сопоставлений.

Авторы новой теории в своих общих построениях широко используют восходящее еще к «Левиафану» Т. Гоббса противопоставление анархии, неизбежно порождаемой разрозненными усилиями людей в условиях господства частной собственности, и централизованного («диктаторского») правления. Используя стандартные методы микроэкономической теории, авторы строят кривую институциональных возможностей, которая по конфигурации напоминает обычные кривые безразличия. Операционные возможности анализа, однако, осложняются тем, что по осям координат откладываются плохо верифицируемые суммы совокупных потерь, связанных с реализацией таких общих принципов, как диктаторские методы управления (ось абсцисс) или беспорядок и анархия (ось ординат).

Страны с более развитой рыночной экономикой, разумеется, характеризуются кривыми институциональных возможностей, лежащими ближе к началу координат. Прямая, проходящая через начало координат и характеризующая страны различного уровня развития с «англосаксонской» правовой системой, должна иметь больший угол наклона по сравнению с аналогичной прямой, описывающей страны с «французской» системой (поскольку «французская» система, по мнению авторов, лучше согласуется с теми методами ограничения беспорядка, которые используют централизованное регулирование). Изменения институтов, носящие длительный характер и сопровождающиеся значительным ростом производительности, описываются смещением вниз (к началу координат) кривой институциональных возможностей.

Осуществление рыночных реформ в посткоммунистических странах эта концепция связывает с движением справа налево вдоль соответствующих кривых институциональных возможностей. Кривые, описывающие институциональные возможности стран Центральной и Юго-Восточной Европы, лежат, по мнению авторов, значительно ниже соответствующих кривых для стран СНГ (в связи с более низким уровнем развития рыночной экономики в последних).

В результате реформ, проведенных в последние десятилетия, Россия продвинулась вдоль своей кривой институциональных возможностей налево значительно сильнее, чем, скажем, Венгрия или Чехия (вдоль своих кривых). Нынешнее местоположение России должно показывать, что ее экономика характеризуется значительно более отчетливо выраженными элементами дезорганизации, локализма и коррупции. Используя столь обобщенные характеристики дезорганизации или «чрезмерной» централизации, авторы не предлагают, к сожалению, никаких способов эмпирической идентификации этих показателей, поэтому размещение отдельных государств на подобной диаграмме неизбежно носит субъективистский характер.

¹ *Djankov S., Glaeser E., La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A.* The New Comparative Economics // *Journal of Comparative Economics*. 2003. Vol. 31. N 4. P. 596.

Последовательное осуществление в правовой системе упоминавшегося ранее принципа взаимных сдержек и противовесов должно, согласно логике тех же авторов, способствовать повышению эффективности хозяйственной системы. Выше уже отмечалось, насколько важную роль в реализации принципов частной собственности может играть реальная независимость судебных органов. Проведенные расчеты могут свидетельствовать о том, что *в тех странах, где судебные органы обладают сравнительно большей независимостью, полнее защищены права частной собственности и обеспечены лучшие условия для интенсивного экономического роста*¹.

Исходя из перечисленных теоретических построений авторы новой сравнительной теории высказывают ряд соображений о возможности трансплантации различных институтов, функционирующих в странах с развитой рыночной системой². И хотя в своей работе они декларируют чрезвычайно широкий круг проблем, изучаемых новой сравнительной теорией, на деле, однако, в центре внимания неизменно оказываются изучавшиеся ими ранее правовые системы. Соответственно рассматриваются прежде всего возможности трансплантации базовых правовых систем.

Поскольку в странах с недостаточно развитой рыночной системой менее полно реализуются принципы свободы слова и не столь прозрачны действия властей на всех уровнях, восприятие норм «французского» права должно повлечь избыточное развитие административно-регулирующих начал. В сфере экономики это проявляется в огромном числе административных ограничений и соответственно в сравнительно большем распространении «теневого» сектора, а в правовой сфере в чрезмерном «правовом формализме»³, большей громоздкости и длительности судебных процессов и соответственно в больших издержках используемых правоприменительных процедур. В странах с развитой рыночной экономикой защита прав частной собственности и инфорсмент контрактных обязательств в сравнительно большей мере регулируются децентрализованными рыночными механизмами.

Втягивание отдельных стран в мировой хозяйственный оборот на протяжении многих столетий порождало вопрос о формах смыкания натуральных хозяйств с экономиками, в которых более широкое развитие получили рыночные отношения. Особую остроту проблема рецепции более «продвинутых» хозяйственных институтов получила в эпоху формирования колониальных империй⁴.

---

¹ *La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Pop-Eleches C., Shleifer A.* Judicial Checks and Balances // Journal of Political Economy. 2004. Vol. 112.

² Вопрос о трансплантации хозяйственных институтов активно обсуждается и в отечественной литературе. См., например: *Волконский В.А.* Институциональные проблемы российских реформ. М.: Диалог-МГУ, 1998; *Полтерович В.М.* Трансплантация институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3; *Старков О.Ю.* Развитие институтов жилищного кредитования: проблема трансплантации. М.: ЦЭМИ РАН, 2002; *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004; *Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г.* Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. М.: ГУ — ВШЭ, 2005, и др.

³ Методы исчисления индексов «правового формализма» описаны в: *Djankov S., La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A.* Courts // Quarterly Journal of Economics. 2003. Vol. 118.

⁴ Выше отмечалось, какое место в трактовке Д. Эйсмоглу и его соавторами формирования современной институциональной структуры занимает хищническая эксплуатация колониальных ресурсов.

Один из наиболее известных экспертов в области социальной и экономической истории — К. Поланьи заметил, что понятие колониальной эксплуатации вряд ли имеет смысл определять в сугубо экономических терминах, как, например, некоторую постоянно существующую неэквивалентность меновых отношений. Ведь рассматриваемые взаимодействия явно выходят за пределы узких экономических и правовых категорий. Политика государств-метрополий чаще всего способствовала разрушению прежнего хозяйственного уклада, и тогда в полной мере обнаруживались ужасающие последствия неадекватной трансплантации чужеродных социально-экономических институтов.

Насаждаемые «институты терпят крах уже вследствие того простого факта, что рыночную экономику навязывают обществам, имеющим принципиально другую организацию; что труд и землю превращают в товар или, если выразиться более пространно, что все без исключения культурные институты органического общества ликвидируются». Более того, разложение патриархальной системы и внедрение рыночных отношений лишь способствовало обострению кризиса. Так, в Индии во второй половине XIX в. «массы индийцев умирали от голода не потому, что их эксплуатировал Ланкашир; они гибли в громадных количествах по той причине, что была уничтожена индийская крестьянская община»¹.

Описанную ситуацию вряд ли стоит считать единственно возможной. Во многих случаях власти метрополии находили более выгодным для себя встроиться в традиционно существующий уклад жизни, сохраняя и используя в своих интересах социально-политические структуры и сложившиеся формы личной зависимости². Тем самым, разумеется, закладывались предпосылки для длительного сохранения хозяйственной отсталости колониальных и зависимых стран. Вместе с тем прививаемые социальные и экономические институты могли успешно приживаться на новой почве и трансплантация оказывалась мощным средством поступательного развития, когда указанные институты перемещались в колонизируемые страны вместе с участниками — жителями метрополий (опыт Соединенных Штатов, Австралии, Канады и некоторых других государств)³.

Поскольку новая сравнительная теория апеллирует прежде всего к правовым отношениям, вернемся к проблеме влияния трансплантации правовых институтов на процессы экономического развития. На протяжении длительного исторического периода трансплантация правовых отношений осуществлялась как в добровольном, так и в принудительном порядке, но далеко не в каждом случае подобная «пересадка» могла обеспечить успех⁴. Для того чтобы трансплантируемая система могла эффективно привиться, требуется, по крайней мере, во-первых, достаточно полное знакомство с воспринимаемой системой⁵ и, во-вторых, нали-

¹ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 178—179.

² Abdel-Malek A. Civilization and Social Theory. State University of New York Press, 1981.

³ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth. Ed. by Aghion Ph., Durlauf S. North-Holland, 2004.

⁴ Berkovitz D., Pistor K., Richard J. Economic Development, Legality, and the Transplant Effect // European Economic Review. 2003. Vol. 47.

⁵ Так, осуществляя правовую реформу (1829 г.), власти Колумбии, пытавшиеся утвердить в стране нормы испанского Торгового кодекса, просто плохо осознавали реальный смысл вводимых правовых установлений (*Means R. Underdevelopment and the Development of Law. The University of North Carolina Press, 1980*). Недостаточно хорошо, по мнению Д. Берковица, К. Пистор, Ж.-Ф. Ришара, представляли реальное содержание вводимой правовой системы (преимущественно «немецкой») и японские власти, осуществлявшие законодательные реформы 1868—1899 гг.

чие условий для того, чтобы такая система смогла укорениться на новой почве. Принятая в работе Д. Берковица, К. Пистор и Ж.-Ф. Ришара классификация исходила из следующего принципа: трансплантируемая система считается воспринятой (а страна рецепции восприимчивой), если можно предполагать наличие хотя бы одного из упомянутых двух условий. Наиболее трудной проблемой рецепции, как показывает анализ, неизменно оказывалось согласование вводимых норм с исторически сложившимися традициями и местными условиями.

В работе рассматриваются характеристики трансплантации правовых норм в 39 странах. Лишь в шести случаях (Япония, Италия, Голландия, Аргентина, Чили, Израиль) процессы рецепции и адаптации, по мнению авторов, в конечном счете прошли успешно. Так, в Японии (где власти не сразу осознали реальное содержание проводимых преобразований) принятые кодексы в конце концов не вступали в конфликт с существующей традицией.

Основной вывод можно было бы сформулировать следующим образом: *эффект от переноса (трансплантации) зависит не столько от выбора того или иного «семейства правовых норм» («legal families»), сколько от реального восприятия трансплантируемых законов.* Решающую роль в формировании реальной структуры правовых норм чаще всего играла удачная «прививка» или «невоспринятая» трансплантация, т.е. возможности адаптации, приспособления переносимых институтов к местным условиям, несомненно, определяли успех или неуспех трансплантации.

Среди систем, менее восприимчивых к трансплантации правовых норм, фигурирует и правовая система, существовавшая в свое время в Советском Союзе. Причем особые трудности в данном случае вызваны вовсе не тем, что в ходе посткоммунистических правовых реформ осваивались такие нормы законодательства, которые недостаточно эффективны, по крайней мере, с экономической точки зрения. *Важнейшим препятствием на путях перехода к продвинутой правовой системе оказывают слабые институты и, в частности, слабая система инфорсментов прав собственности и контрактных обязательств.* Проблемы функционирования имущественных отношений в российской экономике подробно рассматривались авторами в целом ряде других работ. Здесь же отметим лишь плодотворность общего подхода, связывающего успех трансплантации правовых норм и институтов не только (а в случае российской экономики и не столько) с выбором той или иной системы законодательства, но и с реально складывающейся в стране практикой правоприменения¹.

Исследования правовых институтов в современной экономической науке и особенно статистическая проверка теоретических гипотез наталкиваются на ряд серьезных проблем, связанных с трудностями формализации правовых норм и социально-политических решений. С этой целью широко используются разнообразные индексы, которые призваны отражать экспертные оценки, условные переменные и т.п. Стремясь доказать преимущества своего подхода, авторы, как правило, ссылаются на лучшие статистические характеристики рассчитанных ими уравнений регрессии.

Нельзя не видеть, однако, что результаты подобных «эконометрических войн» критически зависят от выбора используемых индексов, особенностей их построе-

---

¹ Более подробно данный вопрос рассматривается в: *Радыгин А.Д., Энтов Р.М. и др.* Проблемы правоприменения (инфорсментов) в сфере защиты прав акционеров. М., ИЭПП, 2002; *Корпоративное управление и саморегулирование в системе институциональных изменений.* М.: ИЭПП, 2006.

ния, методики экспертных оценок и других характеристик, выбираемых более или менее произвольно. В рассматриваемой сфере, по существу, отсутствуют сколько-нибудь строгие исходные определения. Поэтому, работая с индексами защиты прав собственности, трансплантации правовых систем, инфорсmenta и т.п., исследователь неизбежно сталкивается не только с недостаточной точностью, но и просто с отсутствием многих переменных, которые могли бы однозначно характеризовать сложившиеся исторические обычаи и культурные традиции, различия в социально-психологическом климате, отсюда необходимость учета «отсутствующих переменных»¹. Как в свое время заметил К. Эрроу, «поскольку исследования до настоящего времени находятся лишь на начальных стадиях, в указанной области следует избегать чрезмерной точности»².

Финансовые рынки, собственность и инновации

Развитие и укрепление рыночной частной собственности на определенном этапе зрелости создают, как отмечалось выше, возможности для формирования системы финансовых рынков. Ряд исследований, проведенных в последние годы, с особой четкостью продемонстрировали важную роль финансовых рынков в обеспечении условий экономического роста.

Не пытаясь описывать те жизненно необходимые функции, которые финансовые рынки выполняют в современной экономике, отметим лишь, что они не только позволяют превратить сбережения в капитал и обеспечивают эффективную аллокацию последнего, но и осуществляют сбор и переработку огромных массивов информации, необходимой для инвестиционных решений. К тому же они создают условия для мониторинга инвестиционных проектов и контроля за их эффективностью. Дж. Шумпетер характеризовал рынок капитала как «штаб капиталистической экономики», где «по сути дела обсуждается и принимается план дальнейшего развития»³. Каждому новому этапу в развитии капиталистической экономики предшествовали качественные изменения в функционировании финансовых рынков.

Ограничимся следующим примером. Поток технических инноваций, по мнению Дж. Хикса, не сыграл решающей роли в развертывании промышленной революции конца XVIII — начала XIX столетия: «Промышленная революция произошла бы и без Кромптона и Аркрайта и была бы (особенно на поздних стадиях) такой же, какая имела место в действительности». Что же в таком случае может считаться решающим фактором, сделавшим возможными массивные инвестиции в новую технику и технологию производства? Возможный ответ Дж. Хикс ищет в развитии финансовой сферы и считает критически важной доступность ликвидного капитала. В первой половине XVIII в. возможности такого финансирования сложились не только в Англии и Голландии, но и во Франции. «К тому времени в этих странах уже существовали финансовые рынки, где можно было

¹ Описание возможных смещений, порождаемых «отсутствующими переменными», можно найти в стандартных пособиях по эконометрии (*Greene W. Econometric Analysis*, 5-th ed. Prentice-Hall, 2003).

² *Arrow K. Essays in the Theory of Risk-Bearing*. North-Holland, 1970. P. 224.

³ *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 274.

легко продать различные ценные бумаги. Это открывало невиданные прежде (даже всего несколькими годами ранее) возможности получить необходимые ликвидные средства...»¹

К настоящему времени поистине общим местом стали ссылки на *связь процессов «углубления финансовой структуры» (financial deepening) с повышением эффективности хозяйственных процессов и ускорением экономического роста*². На протяжении последних 10—15 лет были опубликованы результаты многочисленных эконометрических исследований, обнаруживших отчетливую положительную корреляцию между развитием финансовых рынков и темпами экономического роста. Сошлемся в связи с этим лишь на вышедшую в свет в 2001 г. объемистую коллективную монографию «Финансовая структура и экономический рост»³. В ней приведены сотни разнообразных межстрановых сопоставлений, в конечном счете призванных убедить читателя в справедливости вывода о благоприятном влиянии, которая развитая финансовая система оказывает на общие процессы хозяйственного развития. Авторы предлагают следующую систему показателей, используемых для характеристики финансового рынка:

1) размеры финансового сектора ($\log \frac{PC + MC}{GDP}$, где PC — сумма кредитов, предоставленных банковскими и небанковскими посредниками частному сектору, MC — рыночная стоимость акций тех корпораций, которые прошли процедуру листинга, а GDP — валовой внутренний продукт в текущих ценах);

2) активность финансовых рынков ($\log \left(\frac{PC}{GDP} \cdot \frac{VT}{GDP} \right)$, где VT представляет собой общую стоимость сделок, связанных с куплей-продажей акций на фондовой бирже);

3) эффективность финансовых рынков ($\log \left(\frac{VT}{GDP} : \frac{OC}{BA} \right)$, где OC — сумма условно-постоянных, «накладных» расходов, а BA — общие размеры активов банковской системы);

4) агрегатный индекс (первая главная компонента, выделенная из трех перечисленных выше рядов);

5) показатели, относящиеся к более развитым рынкам, «finance dummy» (в расчетах не фигурируют страны, у которых оба коэффициента $\frac{PC}{GDP}$ и $\frac{VT}{GDP}$ оказываются ниже средних для выборки значений).

В свои расчеты авторы включили данные по 48 странам за 1980—1995 гг. Выяснилось, что темпы роста ВВП, исчисленного на душу населения, обнаруживают статистически существенную положительную корреляцию со всеми перечисленными выше характеристиками, кроме первой (размеры финансового сектора). Приводимые в работе подсчеты не позволяют отвергнуть следующую гипотезу: отмеченная Ф. Ла Портой, Ф. Лопес-де-Силанесом, А. Шлайфером и Р. Вишны

¹ Хикс Дж. Теория экономической истории // Вопросы экономики. 2003. С. 188, 184.

² «Хотя остаются расхождения во мнениях, накопленный опыт чаще всего свидетельствует о наличии тесной связи (strong nexus) между развитием финансовой системы и экономическим ростом» (Beck T., Levine R. Legal Institutions and Financial Development // NBER WP. 2004. N 10417. Washington. P. 2).

³ Financial Structure and Economic Growth. A Cross-Country Comparison of Banks, Markets and Development / Ed. by Demirguc-Kunt A., Levine R. MIT Press, 2001. Ch. 4—5.

особая роль законодательства, защищающего права владельцев акций и кредиторов¹, оказывает влияние на темпы экономического роста *лишь косвенно* — через влияние указанных факторов на развитие финансовых рынков (или другие объясняющие переменные).

И все же тезис о важной роли *самих по себе* финансовых рынков, в отрыве от «реальных» механизмов экономического развития, приводимых в движение потоками капитала, вряд ли может считаться достаточно убедительным. Наибольший интерес, как представляется, вызывают те теоретические модели, которые с большей конкретностью описывают каналы воздействия финансовых рынков на развитие реальной экономики.

В современной экономической литературе все большее распространение получают те теоретические модели развития финансовых рынков, которые встраиваются в общие механизмы технического прогресса и экономического роста. В качестве примера можно сослаться на работу М. Пагано. В его аналитической конструкции *степень развитости финансовых рынков оказывает непосредственное влияние не только на норму сбережения, но и на выбор технологии, она задает масштабы затрат труда и материальных ресурсов на осуществление посреднических операций и др.*² Все это не может не отражаться на темпах устойчивого хозяйственного роста.

В теоретических моделях другого типа *функционирование развитых финансовых рынков способствует интенсификации исследований и конструкторских разработок, расширяет сферу инновационной активности предпринимателей*³. Но чаще всего используемые аналитические схемы рассматривают указанную проблему в несколько более общем контексте⁴. Такие модели призваны показать, что *дополнительные возможности выбора между инвестиционными проектами, с одной стороны, и жесткий и эффективный контроль, обеспечиваемый финансовыми рынками, — с другой, позволяют более эффективно использовать имеющиеся ресурсы и благоприятствуют формированию условий для более энергичного экономического роста.*

Серьезный интерес представляют исследования авторов монографии об эндогенном экономическом росте Ф. Агиона и П. Хауитта, которые ввели в свои теоретические модели экономического роста с техническим прогрессом дополнительные финансовые механизмы. Другую попытку того же рода Ф. Агион предпринял несколько ранее совместно с Д. Эйсмоглу и Ф. Зилиботти. Наряду с анализом теоретической модели эти исследования содержат обширные расчеты, связанные с эконометрической проверкой выдвигаемых теоретических гипотез. Краткое изложение важнейших идей, содержащихся в указанных исследованиях, можно найти в статье Ф. Агиона, озаглавленной «Экономический рост и институты»⁵.

¹ La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Legal Determinants of External Finance; *Idem*. Law and Finance.

² Pagano M. Financial Markets and Growth: an Overview // European Economic Review. 1993. Vol. 37. N 2—3.

³ Roubini N., Sala-i-Martin X. Financial Repression and Economic Growth // Journal of Development Economics. 1992. Vol. 39. N 1; King R., Levine R. Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right // Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108.

⁴ Bencivenga V., Smith B. Deficits, Inflation and the Banking System in Developing Countries: The Optimal Degree of Financial Repression // Oxford Economic Papers. 1992. Vol. 44; Greenwood J., Smith B. Financial Markets in Development, and the Development of Financial Markets // Journal of Economic Dynamics and Control. 1996. Vol. 21; Sirri E., Tufano P. The Economics of Pooling // The Global Finance System: a Functional Perspective Ed. by D. Crane. Harvard Business School Press, 1995.

⁵ Aghion Ph. Growth and Institutions // Empirica. 2005. Vol. 32.

Основные теоретические конструкции исходят из общей логики межстрановых сопоставлений, поэтому обычно содержат модели взаимодействий между различными странами. Будем полагать, что в некоторой стране имеют место технические нововведения, тогда она, по предположению, участвует в межстрановом обмене технологиями (technology transfer). Важную роль в модели играет общая для всех стран технологическая граница производственных возможностей. Поступательное продвижение этой границы определяется равновесными (в рамках рассматриваемой системы) темпами повышения производительности.

В соответствии с формулируемыми в модели условиями совокупность рассматриваемых стран делится на два множества: государства, догоняющие лидеров и приближающиеся к технологической границе, и государства, демонстрирующие на протяжении длительного периода все увеличивающееся отставание. В качестве главной эндогенной переменной в этих моделях выступают темпы экономического роста. Соответственно в центре их исследований оказывается так называемая β -конвергенция, т.е. в указанных моделях обсуждаются проблемы сходимости темпов экономического роста к некоему стабильному равновесному уровню (steady-state growth).

Нетрудно видеть, что отставание в подобной модели сопряжено с определенными выгодами и издержками. Так, удаленность экономики от технологической границы может оказаться условием, позволяющим значительно повысить эффективность использования ресурсов в результате трансфера технологий. Вместе с тем отставание неблагоприятно сказывается на собственной инновационной деятельности отстающего государства — при неизменном количестве квалифицированных рабочих вероятность успешной реализации собственных инноваций, по предположению, возрастает по мере приближения к технологической границе.

В новых моделях в рассмотрение вовлекаются несовершенные финансовые рынки (поскольку функционирование совершенных финансовых рынков не внесло бы существенных изменений в процессы, протекающие в реальном секторе)¹. На несовершенных рынках участники сталкиваются со связывающими бюджетными ограничениями: размер внешнего финансирования капиталовложений зависит от величины чистой стоимости принадлежащего предпринимателю имущества.

Предполагается также, что чем более развиты рыночные институты, тем реже заемщикам удастся использовать информационные асимметрии для того, чтобы обмануть кредиторов. Поскольку вероятность предоставления займа напрямую зависит от риска возможных потерь (в случае обмана кредиторов), развитые рынки капитала, которые при прочих равных условиях уменьшают математическое ожидание предполагаемой суммы убытков и обеспечивают финансирование большего объема инвестиций, тем самым содействуют уменьшению разрывов в темпах роста среди стран, оказавшихся в β -конвергентной группе. Вместе с тем чем больше расстояние той или иной экономики от технологической границы производственных возможностей, тем чаще фирмы, обращающиеся за ссудами, наталкиваются на отказ со стороны кредиторов. В результате фирмы сталкиваются с более жесткими бюджетными ограничениями и в полной мере ощущают негативные последствия отсталости своей экономики. Тем самым *недостаточное развитие фи-*

---

¹ Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F. Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth // NBER WP. 2002. N 9066. Washington.; Aghion Ph., Howitt P., Mayer-Foulkes D. The Effect of Financial Development on Convergence: Theory and Evidence // The Quarterly Journal of Economics. 2005. Vol. CXX. Issue 1.

нансовых рынков может способствовать увеличению разрыва в темпах экономического роста между государствами-лидерами, освоившими передовые технологии, и странами, лишенными возможности в полной мере использовать потенциал современного научно-технического прогресса.

Заметим, что в указанной модели финансовые рынки могут способствовать приближению к технологической границе производственных возможностей или не обеспечивать условия конвергенции (по мере отдаления от указанной границы благоприятное влияние финансовых факторов быстро убывает). Но в соответствии с логикой модели функционирование финансовых рынков не может оказывать влияния на равновесные темпы долгосрочного экономического роста, последние зависят лишь от действия «реальных» факторов (в рассматриваемой модели прежде всего от характеристик научно-технического прогресса).

Из теоретических моделей эндогенного роста с финансовыми рынками явствует, что *те государства, экономика которых в наибольшей степени удалена от технологической границы, особенно сильно нуждаются в таких хозяйственных институтах, которые могли бы облегчить осуществление долгосрочных инвестиционных проектов, опирающихся на заимствование передовых технологий* («investment-based» institutions). Такие институты могут помочь ускоренному преодолению существующего разрыва в темпах роста. *В то же время государства, экономика которых приблизилась к технологической границе производственных возможностей, смогут повысить темпы своего роста лишь в том случае, если будут использовать наиболее гибкие хозяйственные нормы и институты, ориентированные на всемерное поощрение предпринимательской инициативы и поиска в сфере новых технологий* («innovation-based» institutions). К числу последних относятся, в частности, максимально возможная открытость экономики, финансовый аутсорсинг, интенсивное развитие рынка ценных бумаг и венчурного бизнеса.

Представляют интерес результаты расчетов, которые охватывают более сотни стран за период с 1960 по 2000 г. (в качестве страны, как бы олицетворяющей всемирную технологическую границу, используются Соединенные Штаты)¹. Авторы показывают, что у стран, наиболее удаленных от технологической границы, неблагоприятные последствия, порождаемые закрытостью финансовых рынков, не очень велики, тогда как *для сравнительно более развитых государств (у которых уровень ВВП на душу населения гораздо ближе к американскому) политика «закрытости» чрезвычайно неблагоприятно влияет на темпы экономического роста.*

Другой характеристикой структуры хозяйственных институтов может служить «степень закрытости» отдельных отраслей. Барьеры для конкуренции характеризуются размерами затрат, которые требуются компаниям-аутсайдерам для того, чтобы «войти» в отрасль и получить доступ к рынку соответствующих товаров (entry costs). Результаты расчетов подтверждают ту же закономерность: *барьеры для конкуренции оказывают самое сильное неблагоприятное воздействие на темпы экономического роста наиболее богатых стран и намного слабее сказываются на динамике производства в сравнительно менее развитых государствах.*

В модели Ф. Агиона, П. Хауитта, С. Мейер-Фаулкса характеристика сходимости для i -й страны (λ_i) линейно зависит от характеристики уровня развития финансовых рынков (F_i). Характеристики финансового развития будут повышать вероятность конвергенции темпов экономического роста тогда, и только тогда,

¹ Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F. Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth.

когда β_{fy} , т.е. коэффициент регрессии при «переменной взаимодействия» $F_i(y_i - y_1)$, где разность в скобках характеризует соответствующий разрыв ВВП на душу населения, оказывается строго отрицательным. Расчеты, включавшие 71 страну (1960—1995 гг.) и использовавшие различные показатели финансового развития — размеры совокупного частного кредита, сумму банковских активов и др., — показали: коэффициент β_{fy} при самых различных спецификациях уравнения регрессии, как правило, оказывался статистически значимым (чаще всего на 99%-м уровне) и во всех этих случаях был меньше нуля¹. Тем самым для рассматриваемой группы государств *в среднем*, по-видимому, выполняется одно из необходимых условий постепенного сближения темпов экономического роста. Ряд государств, прежде всего страны Африки (Гана, Сьерра Леоне, Заир, Либерия), в этих расчетах оказываются исключенными из «клуба конвергенции».

Эконометрическое исследование механизмов, связывающих финансовые рынки с реальной экономикой, проводилось также рядом других исследователей. Отметим лишь некоторые представляющиеся наиболее любопытными аспекты рассматриваемой проблемы. Так, анализируя каналы, по которым изменения на финансовом рынке передаются в реальный сектор, Т. Бек, Р. Ливайн, Н. Лозйза показали, что *влияние складывающихся финансовых отношений проявляется не столько в увеличении суммы сбережений и более интенсивном накоплении реального капитала, сколько в повышении эффективности использования имеющихся ресурсов и ускоренном росте совокупной факторной производительности*².

Р. Рэджен и Л. Зингалес подошли к указанному вопросу с другой стороны: они выяснили, что использование внешних источников финансирования способствует не столько росту средних размеров компании в рассматриваемой отрасли, сколько увеличению числа фирм³. Иными словами, *в тех отраслях, которые в наибольшей степени нуждаются в притоке средств с финансовых рынков, использование этих ресурсов способствует появлению новых компаний и активизации конкурентного соперничества*. В последующей работе⁴ указанные авторы расширили сферу анализа связей между «углублением» финансовой системы и функционированием конкурентных рыночных механизмов. Они показали, что *существует устойчивая положительная корреляция между развитием финансовой системы и открытостью товарных рынков соответствующих стран (особенно при интенсивном перемещении капиталов из одной страны в другую)*.

Развитие финансовых рынков оказывается (косвенно) связанным с преодолением сопротивления «местных» предпринимателей, заинтересованных в монополизации рынка, и «включением» механизмов международной конкуренции. Некоторые расчеты могут свидетельствовать, что невозможно отвергнуть гипотезу, согласно которой причинно-следственные связи, по Грейнджеру, направлены от открытости экономики к «глубине» финансовой системы⁵. Тем самым полнее

¹ *Aghion Ph., Howitt P., Mayer-Foulkes D.* The Effect of Financial Development on Convergence: Theory and Evidence // *The Quarterly Journal of Economics*. 2005. Vol. CXX. Issue 1.

² *Beck T., Levine R., Loayza N.* Finance and the Source of Growth // *Journal of Financial Economics*. 2000. Vol. 58.

³ *Rajan R., Zingales L.* Financial Dependence and Growth // *American Economic Review*. 1998. Vol. 88.

⁴ *Rajan R., Zingales L.* The Great Reversals: the Politics of Financial Development in the Twentieth Century // *Journal of Financial Economics*. 2003. Vol. 69. N 1.

⁵ *Svaleryd H., Vlachos J.* Market for Risk and Openness to Trade: How Are They Related? // *Journal of International Economics*. 2002. Vol. 57.

выявляется роль финансовой системы в преодолении интересов отдельных монополистических группировок и расширении сферы действия конкурентных рыночных сил.

Так, крупнейшие японские корпорации-экспортеры, в 70—80-х годах прошлого столетия интенсивно расширявшие свое присутствие на мировых рынках, остро нуждались в дополнительных финансовых ресурсах. Прорвав «блокаду» ряда японских банков, они смогли получить средства на рынке еврооблигаций. После этого местные банки вынуждены были предложить свою поддержку таких эмиссий на новых, «более либеральных» условиях. Другим примером может служить мексиканская экономика. Интенсивное развитие финансового рынка на протяжении 80-х — начала 90-х годов было непосредственно связано с либерализацией внешнеэкономических отношений и дерегулированием.

Изучая роль финансовых рынков в эффективной аллокации ресурсов, Дж. Уэрглер привлек чрезвычайно обширный статистический материал: панельные годовые данные по 65 странам с выделением 28 отраслей на периоде 33 года (1963—1995 гг.). Изучались связи между инвестициями и темпами роста соответствующих отраслей (логлинейная регрессия, не учитывающая лаговых зависимостей) в различных странах. Результаты расчетов вполне согласовались с исходной гипотезой: в странах с развитыми финансовыми рынками такие связи должны быть более тесными, выше показатели эластичности темпов роста капиталовложений по темпам увеличения добавленной стоимости в рассматриваемой отрасли.

В самом высшем квинтиле оказались Германия, Франция, Англия, Япония, США, Дания, Бельгия и другие развитые страны. У Германии, вышедшей на первое место, показатель эластичности оказался равным 0,988, а коэффициент детерминации составил 0,364, тогда как у Кувейта (63-е место) эти показатели составили соответственно 0,047 и 0,001. Иначе говоря, при 10%-м росте добавленной стоимости (в среднем по различным отраслям) в Германии капиталовложения увеличатся при прочих равных условиях примерно на 10%, в США — на 7, в Индии — на 1, а в Кувейте — на 0,5%, причем финансовые рынки направляют инвестиционные ресурсы прежде всего в наиболее динамичные отрасли. Расчеты выявляют весьма существенную (t -статистика составила 5,3) положительную корреляцию между значениями эластичности и переменной, характеризующей «уровень развития» финансовых рынков¹.

Таким образом, теоретические модели и эконометрические расчеты могут свидетельствовать о важной взаимозависимости между инновационными процессами и освоением передовых технологий, с одной стороны, и конкурентными механизмами финансовых рынков — с другой. Функционирование финансовых рынков сегодня оказывается одним из важнейших факторов активизации конкурентного соперничества и повышения экономической эффективности.

***

Задачей настоящей статьи была попытка сугубо академического обзора тех действительно значимых экономических и политико-правовых взаимосвязей, которые имеют непосредственное отношение к институциональным характеристикам

---

¹ В отличие от внутренних рынков на таких рынках четко просматривается тенденция к снижению (темпов роста) капиталовложений в менее динамичных отраслях. Коэффициент регрессии между величиной эластичности и уровнем финансового развития, рассчитанный лишь на тех наблюдениях, когда объем добавленной стоимости в отрасли уменьшался, оказывался статистически существенным на 99%-м уровне. В странах с развитой рыночной системой такое уменьшение инвестиций было особенно значительным (*Wurgler J. Financial Markets and the Allocation of Capital // Journal of Financial Economics. 2000. Vol. 58*).

экономического роста и уже нашли признание в современной экономической теории. В частности, еще раз укажем следующее:

- права собственности и права и обязанности, фиксируемые системой контрактов, оказываются наиболее глубоким источником долгосрочного развития и экономического роста;
- чем выше уровень развития институтов частной собственности (гарантии от экспроприации со стороны государства и правящих элит), тем выше их позитивное влияние на долгосрочный экономический рост, инвестиции и эффективность финансовых рынков;
- существует устойчивая связь между уровнем инвестиций в ВВП и институциональными переменными, характеризующими уровень защиты прав собственности (в странах с более благоприятной ситуацией в сфере прав собственности наблюдается ускорение инвестиционных процессов с лагом 5 лет);
- важнейшим условием, которое может обеспечить функционирование собственности в условиях рыночной экономики, оказывается жесткое ограничение полномочий исполнительной власти в сфере имущественных отношений;
- страны со «слабыми» институтами в большей мере подвержены кризисам, измеряемым глубиной падения производства;
- эффект от переноса (трансплантации) институтов зависит не столько от выбора того или иного «семейства правовых норм», сколько от реального восприятия трансплантируемых законов;
- обеспечение доверия к заключаемым контрактам требует всемерного развития механизмов взаимных сдержек и противовесов в публично-правовой сфере;
- решения тех инстанций, которые на практике выступают в роле арбитра, следящего за реализацией собственности, контрактных обязательств и контролирующего соблюдение правил рыночной «игры», должны свидетельствовать о реальной независимости судебной системы от исполнительной власти;
- мероприятия экономической политики, направленные на переход к более эффективной аллокации ресурсов, могут тормозиться в связи с тем, что такая перестройка сопряжена с изменениями в распределительных отношениях;
- чем больше в обществе распространена коррупция правительственных чиновников, тем меньше (при поддержании прежнего уровня административной дисциплины) остается реальных возможностей для укрепления рыночных институтов и конкурентных механизмов;
- в тех странах, где судебные органы обладают сравнительно большей независимостью, полнее защищены права частной собственности, обеспечены лучшие условия для интенсивного экономического роста;
- более адекватная реализация принципов частной собственности представляет собой необходимое условие, требующееся для более интенсивного развития финансовых рынков;
- процессы «углубления финансовой структуры» тесно связаны с повышением эффективности хозяйственных процессов и ускорением экономического роста;
- финансовые рынки играют «сигнальную» роль при оценке уровня информента и защиты прав собственности (в силу долгосрочных отношений кредитора и заемщика и т.п.);

- большое значение имеет не только структура финансовой системы, но и качество и доступность финансовых услуг, так как и банки, и рынки ценных бумаг решают сходные экономические задачи;
- законодательство, защищающее права владельцев акций и кредиторов, оказывает влияние на темпы экономического роста лишь косвенно — через влияние указанных факторов на развитие финансовых рынков;
- степень развитости финансовых рынков оказывает непосредственное влияние не только на норму сбережения, но и на выбор технологии, она задает масштабы затрат труда и материальных ресурсов на осуществление посреднических операций и др.;
- функционирование развитых финансовых рынков (их конкурентных механизмов) способствует интенсификации исследований и конструкторских разработок, расширяет сферу инновационной активности предпринимателей;
- дополнительные возможности выбора между инвестиционными проектами, с одной стороны, и жесткий и эффективный контроль, обеспечиваемый финансовыми рынками — с другой, позволяют более эффективно использовать имеющиеся ресурсы и благоприятствуют формированию условий для более энергичного экономического роста;
- недостаточное развитие финансовых рынков может способствовать увеличению разрыва в темпах экономического роста между государствами-лидерами, освоившими передовые технологии, и странами, лишенными возможности в полной мере использовать потенциал современного научно-технического прогресса;
- для сравнительно более развитых государств политика «закрытости» чрезвычайно неблагоприятно влияет на темпы экономического роста;
- барьеры для конкуренции оказывают самое сильное неблагоприятное воздействие на темпы экономического роста наиболее богатых стран и намного слабее сказываются на динамике производства в сравнительно менее развитых государствах;
- влияние складывающихся финансовых отношений проявляется не столько в увеличении суммы сбережений и более интенсивном накоплении реального капитала, сколько в повышении эффективности использования имеющихся ресурсов и ускоренном росте совокупной факторной производительности;
- существует устойчивая положительная корреляция между развитием финансовой системы, с одной стороны, и открытостью товарных рынков соответствующих стран, особенно при интенсивном перемещении капиталов из одной страны в другую, преодолением интересов отдельных монополистических группировок и расширением сферы действия конкурентных рыночных сил — с другой.

В целом же можно утверждать, что к числу важнейших предпосылок продвижения к эффективному экономическому росту можно отнести не столько тот или иной набор моделей хозяйственных и правовых институтов, сколько переход к более действенной системе инфорсmenta прав частной собственности и контрактных прав, а также преодоление неполноты складывающейся рыночной системы, включая действительное равенство форм собственности, «углубление» финансовой структуры и развитие новых финансовых рынков. Другой безусловной предпосылкой для решения задач социально-экономического развития является модернизация политической системы.